

НАВСТРЕЧУ ЮБИЛЕЮ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научная статья

УДК 340.12

В. А. Томсинов*

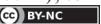
ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА (1918–1925 гг.)

Аннотация. Статья посвящена самому драматичному периоду в истории юридического факультета Московского государственного университета, который пришелся на первые семь лет существования Советского государства. В ней описываются и объясняются коренные реформы, которым подвергалось в течение этого времени университетское юридическое образование в Советской России. Самыми главными из них стали упразднение юридического факультета и перенос юридического образования в рамки юридико-политического (с 4 марта 1921 г. — правового) отделения факультета общественных наук (ФОН), а затем (28 апреля 1925 г.) создание вместо ФОНа факультета советского права 1-го МГУ. Выяснение характера данных реформ позволяет сделать вывод о том, что они лишь отчасти были продиктованы идеологическими доктринаами большевиков, стремлением советского правительства подчинить юридическое образование целям и задачам своей политики. В значительно большей мере на их осуществление повлияли объективные обстоятельства, в том числе: особенности общественного и государственного строя Советской России, неразвитость советского права и зародышевое состояние советского варианта правоведения.

Статья состоит из четырех частей: 1. Введение. 2. Преподавательский состав юридического факультета Московского государственного университета на 1 января 1918 г. 3. Реформа высших учебных заведений во второй половине 1918 г. Упразднение юридического факультета. 4. Юридико-политическое (правовое) отделение факультета общественных наук (ФОНа) 1-го МГУ.

Ключевые слова: Советская Россия, Московский университет, юридическое образование, факультет общественных наук, советское правоведение, преподавание юридических наук.

* Владимир Алексеевич Томсинов — доктор юридических наук, профессор; заведующий кафедрой истории государства и права, юридический факультет, МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия); tomsinov@yandex.ru

© Томсинов В. А., 2025.

Для цитирования: Томсинов В.А. Юридическое образование в Московском государственном университете в первые годы существования Советского государства (1918–1925 гг.) // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2025. № 2. С. 4–34.

DOI: 10.55959/MSU0130-0113-11-66-2-1

Введение. История юридического факультета Московского университета в советский период, охватывающий время с конца 1917 до конца 1991 г., весьма интересна и поучительна. Это особенно относится к его первому двадцатипятилетию, в течение которого факультет дважды упразднялся и восстанавливался. По каким причинам это происходило, какие обстоятельства сыграли здесь определяющую роль, какими мотивами руководствовалось советское правительство, предпринимая столь решительные реформы в сфере юридического образования, — ответам на эти вопросы посвящен предлагаемый очерк и его продолжение в одном из последующих номеров журнала.

* * *

Низложение 25 октября (7 ноября) 1917 г. Временного правительства А. Ф. Керенского Военно-революционным комитетом Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов и переход государственной власти в России в распоряжение второго Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов стало событием, ознаменовавшим собой начало коренных преобразований во всех сферах российского общества и соответственно наступление новой эпохи в истории нашей страны. Эти перемены предполагали революцию в общественном сознании, а значит — коренные изменения в сфере культуры, науки и образования.

Самым сложным в реформе высшей школы был для новой власти вопрос о том, что делать с **университетским юридическим образованием**. 8 декабря 1917 г. на заседании Государственной комиссии по просвещению нарком просвещения А. В. Луначарский сообщил о закрытии Военно-юридической академии с выдачей дипломов только слушателям старшего курса. В связи с этим Комиссия приняла решение, в котором открыто признавалось, что Военно-юридическая академия закрывается, согласно постановлению ее профессуры, «**ввиду неясности вопроса о том, какие юристы будут нужны государству**»¹.

¹ Протоколы заседаний Государственной комиссии по просвещению. 21 ноября 1917–1 марта 1918. Заседание 8 декабря 1918 г. // Культура, наука и образование. Октябрь 1917–1920 г. Протоколы и постановления Наркомпроса РСФСР: в 3 кн. Кн. 1: Октябрь 1917–1918 г. М., 2012. С. 71.

Данный вопрос прояснялся довольно долго. Оставить юридическое образование в прежнем состоянии было невозможно. И не только потому, что существенно менялся экономический и социальный строй, формировался новый тип государства, но и вследствие прекращения действия основного массива законодательства Российской империи и буржуазного Временного правительства, свергнутого в результате большевистского переворота 25 октября 1917 г. Однако для разработки и введения в действия новой модели университетского юридического образования требовалось время.

Руководство большевистской партии поначалу не спешило с реформой высшей школы. Председатель СНК В. И. Ленин хорошо понимал, что в сфере высшего образования необходимо было по возможности сохранять преемственность, что непродуманная и неосторожная реформа вузов может иметь разрушительные последствия для них. Заместитель наркома просвещения РСФСР (с конца мая 1918 г.) М. Н. Покровский вспоминал, что Владимир Ильич однажды дал ему совет, звучавший «совсем по-староверчески, до неприличия консервативно»: «В высшей школе ломайте поменьше!». По свидетельству М. Н. Покровского, «рассуждений на ту тему, что в пролетарской школе все должно быть по-особенному — даже и химия не та, и геометрия не та, как в буржуазной школе, — таких рассуждений Ленин органически не переносил»².

Вместе с тем быстрым и резким переменам в организации и деятельности университетов противодействовали профессора, проявившие в 1918 г. удивительную сплоченность в отстаивании университетских традиций.

По этим причинам до осени 1918 г. на юридических факультетах российских университетах сохранялись в целом прежние порядки и преподавались науки, предусмотренные Общим уставом Императорских российских университетов 1884 г. Д. П. Боголепов, занимавший в рассматриваемое время должность приват-доцента по кафедре финансового права, писал впоследствии в своих воспоминаниях: «С реформой юридического факультета и управления высшей школой дело шло очень тихо»³. «На юридическом факультете преподавалось и римское право — под разными соусами, и основы буржуазного права, а о советском праве не было и помину»⁴.

Преподавательский состав юридического факультета Московского государственного университета на 1 января 1918 г. Справочный еже-

² Покровский М. Н. Ленин и высшая школа // Покровский М. Н. Избр. произв. Кн. 4: Лекции, статьи, речи. М., 1967. С. 9.

³ Боголепов Д. П. В борьбе за высшую школу // Красное студенчество. 1928–1929. № 3–4. С. 31.

⁴ Там же. С. 32.

годник «Наука в России», изданный в двух выпусках в 1920 и 1922 гг., показывает, что по состоянию на 1 января 1918 г. юридический факультет Московского государственного университета имел 12 кафедр, предусмотренных ст. 57 Общего устава императорских российских университетов 1884 г.⁵, и 72 преподавателя. Среди них было 3 заслуженных ординарных профессора, 12 ординарных профессоров, 1 экстраординарный профессор и 56 приват-доцентов⁶. Некоторые из них вели преподавательскую деятельность по двум кафедрам. Всего на юридическом факультете обучалось в это время около двух тысяч студентов. Но в течение 1918 г. их численность на факультете увеличилась более чем вдвое.

Корпус преподавателей юридического факультета Московского университета в результате катастрофических событий 1917 г., приведших к полному крушению традиционной российской государственности, почти не изменился. К началу 1918 г. он объединял в своем составе целую плеяду российских ученых, имевших благодаря своим научным трудам репутацию не только авторитетных специалистов в своих отраслях юридической науки, но и русских мыслителей высокого общественного значения.

Деканом факультета являлся заслуженный ординарный профессор Иван Трофимович Тарасов. По кафедре *римского права* преподавателями были: ординарный профессор И. А. Покровский; приват-доценты М. П. Бобин, А. Н. Беликов, А. М. Винавер, А. Э. Вормс, И. И. Вульферт, И. Б. Новицкий. По кафедре *гражданского права и гражданского судопроизводства* — заслуженный ординарный профессор В. М. Хвостов; приват-доценты: В. Ю. Вольф, А. Э. Вормс, И. А. Кистяковский, В. А. Краснокутский, Л. С. Таль. По кафедре *торгового права и торгового судопроизводства* — приват-доценты: В. Ю. Вольф, В. А. Краснокутский, Л. С. Таль. По кафедре *уголовного права и уголовного судопроизводства* — ординарные профессора: С. В. Познышев и Г. С. Фельдштейн; приват-доценты: С. И. Викторский, И. И. Власов, Н. В. Давыдов, Е. Н. Ефимов, М. П. Коваленков. По кафедре *истории русского права* — заслуженный ординарный профессор А. Н. Филиппов; экстраординарный профессор С. Б. Веселовский; приват-доценты: Н. А. Арсеньев, Н. Н. Пчелин, К. А. Стратонитский, Б. И. Сыромятников, П. И. Числов. По кафедре *государственного права* — ординарный профессор С. А. Котляревский; приват-доценты: Н. П. Ануфриев, Б. П. Вышеславцев, М. В. Зызыкин, В. М. Устинов, М. С. Фельдштейн.

⁵ См.: Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. Т. 4. Спб., 1887. № 2404. С. 464.

⁶ Наука в России. Справочный ежегодник. Данные к 1 января 1918 г. / Под наблюдением непременного секретаря Российской Академии наук академика С. Ф. Ольденбурга. Вып. 2. М., 1922. С. 3–4.

По кафедре *международного права* — приват-доценты: А. Л. Байков, Ю. В. Ключников, А. М. Ладыженский, А. Н. Нерсесов. По кафедре *административного права* — заслуженный ординарный профессор И. Т. Тарасов; ординарный профессор А. И. Елистратов; приват-доценты: П. И. Алексеев, А. А. Боровой, И. И. Евтихиев. По кафедре *финансового права* — ординарный профессор П. П. Гензель; приват-доценты: Д. П. Боголепов, В. В. Лазовский, А. А. Соколов. По кафедре *церковного права* — ординарный профессор П. В. Гидулянов; приват-доценты: И. М. Громогласов, С. Л. Урсынович, Н. Н. Фиолетов. По кафедре *политической экономии и статистики* — ординарные профессора: С. Н. Булгаков, Н. А. Каблуков и А. А. Мануилов; приват-доценты: В. А. Голгофский, И. М. Гольдштейн, З. Ш. Каценеленбаум, Л. И. Лубны-Герцык, А. Ф. Одарченко, С. А. Первушин, И. А. Поплавский, Н. А. Савицкий, П. Б. Струве, В. Ф. Тотомианц, Н. Н. Шапошников, М. А. Штромберг. По кафедре *энциклопедии и истории философии права* — ординарные профессора: П. И. Новгородцев и Е. Н. Трубецкой; приват-доценты: Н. Н. Алексеев, И. А. Ильин, С. А. Кечекьян, С. М. Роговин, А. А. Рождественский, Н. В. Устялов.

Из приведенного списка видно, что на десяти кафедрах преподавательскую деятельность вели ординарные профессора, и только кафедра международного права, а также торгового права и торгового судопроизводства состояли исключительно из приват-доцентов.

Все ординарные профессора юридического факультета МГУ были известны своими солидными научными трудами и входили в круг ведущих правоведов России. Например, декан *Иван Трофимович Тарасов* (1849–1929) был среди них старейшим по возрасту. Он являлся автором ряда фундаментальных работ по акционерному праву⁷ и финансовому праву⁸. Он внес существенный вклад в развитие российской науки полицейского права⁹ и в становление включившей ее в свой состав российской науки административного права¹⁰. *Иосиф Алексеевич Покровский* (1868–1920) приобрел репутацию глубокого, вдумчивого исследователя еще в начале XX в. своими книгами и статьями по римскому праву. В 1898 и 1902 гг. им были опубликованы две части работы «Право и факт в римском праве», представленной к защите как

⁷ Тарасов И. Т. Учение об акционерных компаниях. Вып. 1: Основные понятия, история, значение и учреждение акционерных компаний. Ярославль, 1879; Вып. 2: Акционерный капитал, акция, акционер, управление, ликвидация и погашение акций. Ярославль, 1880.

⁸ Тарасов И. Т. Очерк науки финансового права. Введение. Общая часть. Особенная часть. Ярославль, 1883; *его же*. Краткий очерк науки административного права. М., 1888.

⁹ Тарасов И. Т. Очерк науки полицейского права. М., 1897.

¹⁰ Тарасов И. Т. Лекции по полицейскому (административному) праву. Т. 1: Введение. М., 1908; Т. 2: Общая часть. М., 1910; Т. 3: Особенная часть. М., 1913.

магистерская и докторская диссертации¹¹. В них излагался весьма оригинальный взгляд на роль претора в древнеримском судопроизводстве. В 1913 г. вышел в свет его учебник «Истории римского права», сразу ставший знаменитым. За пять лет он был переиздан трижды (в 1915, 1917 и 1918 гг.). Но самым интересным трудом И. А. Покровского была книга «Основные проблемы гражданского права», вышедшая первым изданием в 1917 г. Советские правоведы-цивилисты восприняли предложенный в ней методологический подход к гражданскому праву как доктрину, позволявшую объяснить сохранение частного права при социализме, где превалирующими считались публично-правовые отношения¹². *Вениамин Михайлович Хвостов* (1868–1920), родившийся и ушедший из жизни в одни и те же годы с И. А. Покровским, хотя и числился в начале 1918 г. при кафедре гражданского права и гражданского судопроизводства, главные свои научные труды так же, как Иосиф Алексеевич, посвятил римскому праву. Магистерскую диссертацию В. М. Хвостов написал по теме «Опыт характеристики понятий *aequitas* и *aequum* *jus* в римской классической юриспруденции». В 1895 г. она была издана отдельной книгой. А спустя три года была напечатана его докторская диссертация «Натуральные обязательства по римскому праву». Наибольшую же известность В. М. Хвостову как специалисту в области науки римского права принесли его многократно издававшиеся лекции по истории римского права (в 1919 г. вышло их седьмое издание, напечатанное московским научным издательством¹³) и конспекты лекций по догме римского права, выходившие в четырех выпусках под общим названием «Система римского права»¹⁴. *Сергей Андреевич Котляревский* (1873–1939) был известен своими трудами в области российского конституционализма. Его работа «Конституционное государство. Опыт политico-морфологического анализа», изданная в 1907 г. и защищенная как магистерская диссертация, представляла собой попытку рассмотреть реально существовавший в развитых странах механизм политических учреждений независимо от

¹¹ Покровский И. А. Право и факт в римском праве. Ч. 1: Право и факт как материальное основание исков. Киев, 1898; Ч. 2: Генезис преторского права. Киев, 1902.

¹² См. об этом: Томсинов В. А. Андрей Януарьевич Вышинский (1883–1954): государственный деятель и правовед. Ст. 61: Формирование теоретических основ советского правоведения. Продолжение // Законодательство. 2022. № 8. С. 90–92.

¹³ Хвостов В. М. История римского права. М., 1919. В рекомендации И. Б. Новицкого для избрания В. М. Хвостова по конкурсу временем выхода в свет данного издания был указан 1918 год (см.: Заявления, поступившие в юридический факультет 1-го Московского университета до 20 января 1919 года на всероссийский конкурс по замещению освободившихся с 1 января 1919 года кафедр. М., 1919. С. 20).

¹⁴ Хвостов В. М. Система римского права. Вып. 1: Общая часть. М., 1907; Вып. 2: Вещное право. М., 1908; Вып. 4: Семейное право; Вып. 5: Наследственное право. М., 1909. Третий выпуск, посвященный обязательственному праву, не издавался в виде книги.

того, в каких юридических категориях он мыслился и эквивалентом каких социальных сил являлся. Именно такой подход к изучению государства, отличающийся как от формально-юридического, так и от социально-исторического метода, он назвал «политико-морфологическим анализом». *Сергей Викторович Познышев* (1870–1943) являлся автором целого ряда фундаментальных трудов по уголовному праву, среди которых можно было выделить: «Основные начала науки уголовного права. Общая часть» (М., 1912), «Особенная часть русского уголовного права. Сравнительный очерк важнейших отделов особенной части старого и нового уложений» (М., 1912), «Основные вопросы учения о наказании» (М., 1904), «Учение о карательных мерах и мер наказания» (М., 1908), «Очерки тюремоведения» (М., 1915). *Григорий Самуилович Фельдштейн* (1868–после 1930), преподававший, как и Познышев, уголовно-правовую науку, специализировался на изучении субъективной стороны преступления. Его магистерская диссертация была посвящена формам виновности. Она была напечатана в Москве в 1902 г. в виде книги под названием «Учение о формах виновности в уголовном праве». В 1903 г. она была переиздана под несколько измененным названием — «Психологические основы юридическая конструкция форм виновности в уголовном праве». В 1909 г. в Ярославле вышла в свет книга Г. С. Фельдштейна «Главные течения в истории науки уголовного права в России», самое значительное в русской юридической литературе произведение по этой теме. *Павел Иванович Новгородцев* (1866–1924) своими работами в области философии права уже в начале XX в. выдвинулся в когорту ведущих русских правоведов как автор книг: «История философии права» (М., 1897), «Историческая школа юристов, ее происхождение и судьба» (М., 1897), «Кризис современного правосознания» (М., 1909). В 1901 г. была опубликована в виде книги «Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве» его докторская диссертация. В 1910 г. он издал первый выпуск своего лекционного курса «Политические идеалы древнего и нового мира» (в 1914 г. он был напечатан новым тиражом), три года спустя — второй его выпуск, в 1912 г. — «Лекции по истории философии права: Учения нового времени. XVI–XVIII и XIX вв.». *Евгений Николаевич Трубецкой* (1863–1920) главной темой своих научных исследований избрал христианскую доктрину в истории философии права. Его магистерская диссертация была посвящена религиозно-общественному идеалу западного христианства V в.¹⁵, а докторская диссертация — религиозно-общественному идеалу западного христи-

¹⁵ См.: *Трубецкой Е. Н. Религиозно-общественный идеал западного христианства в V веке. Ч. 1: Мироустроение блаженного Августина*. М., 1892.

анства XI в.¹⁶. Лекции Е. Н. Трубецкого по истории философии права и по энциклопедии права, дававшие в живой, не догматической манере знания основных течений европейской политico-правовой мысли в Древности, в эпоху Возрождения и Новое время, а также понимание смысла фундаментальных юридических категорий, пользовались популярностью среди студентов¹⁷.

Преподавателями по кафедре политической экономии и статистике в справочном ежегоднике «Наука в России», содержавшем данные к 1 января 1918 г., были названы три ординарных профессора: С. Н. Булгаков, Н. А. Каблуков и А. А. Мануилов, но среди них, безусловно, выделялся своим творчеством выпускник юридического факультета Московского университета 1894 г. *Сергей Николаевич Булгаков* (1871–1944). Он входил так же, как и Е. Н. Трубецкой, в плеяду выдающихся русских мыслителей религиозно-философского направления. Его научные интересы не ограничивались рамками какой-либо одной науки. Он считал, что ни одна наука по отдельности не способна дать человеку понимание сущности его самого и того мира, в котором он живет. Начиная осенью 1906 г. лекционный курс «Критическое исследование проблем и идеалов политической экономии» на юридическом факультете Московского университета, С. Н. Булгаков говорил: «Я вступаю на эту кафедру родного университета, охваченный торжественным волнением пред величием той идеи, которой призвано служить это высокое учреждение, пред чистотой того духовного знамени, которое развевается над стенами этого здания, пред исключительной значимостью того идейного девиза, который выставлен на его фронтоне. Девиз этот — *университет, universitas litterarum*, не знания, но знание, не науки, но наука, не частности, но целое, все, *universum*»¹⁸.

Своей докторской диссертации С. Н. Булгаков дал название «Философия хозяйства». Он посвятил эту работу философскому осмыслению сущности хозяйства и соответственно относил ее содержание

¹⁶ Трубецкой Е. Н. Религиозно-общественный идеал западного христианства в XI в. Идея Божеского царства у Григория VII и публицистов — его современников. М., 1897.

¹⁷ Данные лекции издавались студентами Университета Св. Владимира в Киеве и Московского университета, когда Е. Н. Трубецкой читал там лекции (см., напр.: История философии права (новейшей). По лекциям приват-доцента Университета Св. Владимира князя Е. Н. Трубецкого. Киев, 1896; История философии права (древней) профессора Университета Св. Владимира князя Е. Н. Трубецкого. Киев, 1899). После того, как Евгений Николаевич стал читать эти лекции в Московском университете, они были изданы в 1907 г. Обществом взаимопомощи студентов-юристов Московского университета (см.: Трубецкой Е. Н. Лекции по истории философии права. М., 1907; Энциклопедия права проф. Московского университета кн. Е. Н. Трубецкого. М., 1907; Энциклопедия права проф. Московского университета кн. Е. Н. Трубецкого. М., 1908; Трубецкой Е. Н. Лекции по энциклопедии права. М., 1917).

¹⁸ Булгаков С. Н. Под знаменем университета // Вопросы философии и психологии. 1906. Кн. 5 (85). С. 453.

одновременно и к области чистой философии, и к сфере социально-экономических наук. В речи на докторском диспуте 21 сентября 1912 г. Сергей Николаевич отмечал, что «философия хозяйства в своем развитии включает основные проблемы философского сознания, но в центре ее стоит антропология, — учение о человеке в природе»¹⁹. В таком понимании тема его докторской диссертации выходила за рамки политической экономии и сближалась с юриспруденцией, которая является в определенном смысле наукой о поведении человека. Неслучайно древнеримский правовед Ульпиан определял юриспруденцию как «познание дел человеческих». Кроме того, немало страниц своей книги «Философия хозяйства» С. Н. Булгаков посвятил размышлениям о сущности науки и особенностях научного мышления²⁰, имеющим прямое отношение и к юридической науке.

Среди приват-доцентов юридического факультета МГУ в том состоянии, в котором он вступил в 1918 г., также было немало талантливых преподавателей, опубликовавших интересные и солидные научные работы. *Лев Семенович Таль* являлся автором книги «Трудовой договор», вышедшей в двух частях в 1913 и 1918 гг.²¹ В ней были заложены теоретические основания новой для того времени юридической науки — трудового права. Самостоятельной отраслью юридического знания трудовое право стало именно в советский период. *Иван Александрович Ильин* (1883–1954) летом 1917 г. завершил работу над книгой «О сущности правосознания», которую можно отнести к числу самых значительных произведений русской юриспруденции XX в. К лету 1918 г. она была подготовлена к печати, но так и не вышла в свет в Советской России. Первое ее издание осуществилось в Мюнхене уже после смерти автора²². *Александр Львович Байков* (1874–1943) был назван в справочном ежегоднике «Наука в России» приват-доцентом кафедры международного права, но еще в 1913 г. он защитил диссертацию на

¹⁹ Булгаков С. Н. Философия хозяйства. Речь на докторском диспуте, сказанная перед защитой диссертации «Философия хозяйства» (Москва, 1912. Издательство «Путь») в Московском университете 21 сентября 1912 года // Русская мысль. 1913. № 5. С. 76 (вторая пагинация).

²⁰ Глава 5 данной книги, обозначенная как «Природа науки», занимает 50 страниц, но вопрос о сущности науки затрагивается и в других главах (см.: Булгаков С. Н. Философия хозяйства. Ч. 1: Мир как хозяйство. М., 1912. С. 160–209).

²¹ Таль Л. С. Трудовой договор. Цивилистические исследования. Ч. 1: Общие учения. Ярославль, 1913; Ч. 2: Внутренний правопорядок хозяйственных предприятий. Ярославль, 1918.

²² Ильин И. А. О сущности правосознания. Мюнхен, 1956. Современное издание этой книги вышло в свет в 2003 и 2008 гг. в сборнике работ И. А. Ильина о праве и государстве (см.: Ильин И. А. Теория права и государства / Под ред., предисл. В. А. Томсинова. М., 2003, 2008 (сер. «Русское юридическое наследие»)). В 2014 г. это произведение бывшего преподавателя юридического факультета МГУ было издано в переводе на английский язык в Лондоне (I. A. Il'in: Russian Legal Philosopher // Il'in I. A. On the Essence of Legal Consciousness / Ed., Introd., Transl. by W. E. Butler, Ph. T. Grier, V. A. Tomsinov. L., 2014).

степень доктора международного права по теме «Междупластные и властные отношения в теории права. Опыт теоретико-познавательного построения»²³ и занял должность ординарного профессора Московского университета по кафедре международного права.

Вплоть до осени 1918 г. преподавательский коллектив юридического факультета Московского университета оставался почти в неизменном составе. Существенные перемены в нем начались в процессе осуществления реформы университетов. Самым резким изменениям было подвергнуто университетское юридическое образование.

Реформа высших учебных заведений во второй половине 1918 г.

Упразднение юридического факультета. Подготовка первых проектов университетской реформы началась в Наркомате просвещения РСФСР весной 1918 г. 25 апреля на заседании Государственной комиссии по просвещению был заслушан доклад заведующего отделом автономных высших учебных заведений П. К. Штернберга о проекте реформы университетов. При разработке данного проекта было признано, во-первых, что «цель университета — дать людей, пригодных для государственной деятельности»²⁴, во-вторых, что «университет — научный центр, и в нем должны создаваться научные силы»²⁵, и в-третьих, что университет является просветительским центром, «главная задача университета — это ознакомление широких масс с научными основами»²⁶. Неудивительно, что при осуществлении этого проекта реформы университетов предполагалось в первую очередь преобразовать юридический и филологический факультеты. Заслушав доклад П. К. Штернберга, Государственная комиссия по просвещению признала направление работ по реформе университетского образования «нормальным» и призвала их ускорить²⁷.

С 8 до 14 июля 1918 г. проект Положения о российских университетах, подготовленный работниками Наркомата просвещения профессорами П. К. Штернбергом и М. А. Рейснером обсуждался на первом всероссийском совещании по реформе высшей школы, в котором участвовало более 400 профессоров и студентов, а также работников отделов народного образования городов, в которых имелись вузы. Совещание не отвергло данный проект, но и не одобрило. Было решено доработать его в особой комиссии из представителей профессуры, студенчества, народного комиссариата просвещения, местных от-

²³ В 1912 г. эта диссертация вышла в свет в Ярославле отдельной книгой.

²⁴ Протоколы заседаний Государственной комиссии по просвещению. 30 марта — 22 июня 1918. Заседание 20 апреля 1918 г. // Культура, наука и образование. Октябрь 1917–1920 г. Протоколы и постановления Наркомпроса РСФСР: в 3 кн. Кн. 1: Октябрь 1917–1918 г. С. 399.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. С. 399.

²⁷ Там же. С. 403.

делов народного образования и представить на обсуждение новому совещанию.

Однако большевистское руководство сочло целесообразным обсудить одновременно проблемы не только университетов, но всех вообще ступеней и форм народного образования на всероссийском съезде по просвещению, который был созван 26 августа и работал до 4 сентября 1918 г. Вопрос о высшем образовании являлся лишь одним из его вопросов, хотя и основным. Но первый законодательный акт реформы высшей школы был принят до созыва этого совещания. 2 августа 1918 г. СНК РСФСР издал Декрет «О правилах приема в высшие учебные заведения», которым провозглашалось право каждого лица, независимо от гражданства и пола, достигшего шестнадцатилетнего возраста «вступить в число слушателей любого высшего учебного заведения, без представления диплома, аттестата или свидетельства об окончании средней или какой-либо школы». Декрет воспрещал «требовать от поступающих какие бы то ни было удостоверения, кроме удостоверения о их личности и возрасте». Все учебные заведения РСФСР открывались на основании Постановления СНК «О введении обязательного совместного обучения»²⁸ — «для всех, без различия пола»²⁹. Взимание платы за учебу в высших учебных заведениях РСФСР отменялось, а плату, уже внесенную за первое полугодие 1918/1919 уч. г., декретом предписывалось возвратить.

1 октября 1918 г. СНК РСФСР был утвержден Декрет «О некоторых изменениях в составе и устройстве государственных ученых и высших учебных заведений Российской республики». В нем объявлялось об отмене ученой степени доктора, магистра, а также звания альянкта. Право на занятие профессорской кафедры по всероссийскому конкурсу предоставлялось «всем лицам, известным своими учеными трудами или иными работами по своей специальности, либо своей научно-педагогической деятельностью»³⁰. Кроме того, отменялось разделение преподавательского состава высших учебных заведений на заслуженных, ординарных и экстраординарных профессоров, а также адъюнкт-профессоров и доцентов. Все преподаватели вузов должны были отныне носить «единое звание профессора». Упразднялось звание приват-доцента. Лица, состоявшие в этом звании не менее трех лет, переводились в состав профессоров по тем кафедрам вузов, где они состояли приват-доцентами. С 1 января 1919 г. вводилось избрание на преподавательские должности в высших учебных заведениях «лишь по всероссийскому конкурсу»³¹.

²⁸ Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства. 1918. № 38. Ст. 499. С. 530.

²⁹ Там же. № 57. Ст. 632. С. 770.

³⁰ Декреты Советской власти. Т. 3: 11 июля — 9 ноября 1918 г. М., 1964. С. 381.

³¹ Там же. С. 382.

16 октября 1918 г. Коллегия Народного комиссариата по просвещению приняла постановление, в котором предписала: «Преобразовать Высшие женские курсы во II-й Московский государственный университет, сделав его смешанным учебным заведением, но не считая его вновь создаваемым высшим учебным заведением»³². С этого времени Московский государственный университет стал называться *1-м Московским государственным университетом*.

23 декабря 1918 г. на заседании Коллегии Народного комиссариата по просвещению РСФСР был заслушан четвертым по порядку вопрос «об упразднении юридического факультета». Хотя это словосочетание употреблялось в протоколе данного заседания в единственном числе, оно подразумевало ликвидацию юридического факультета во всех вообще российских университетах. Принятое в результате рассмотрения данного вопроса Постановление Наркомпроса начиналось с предписания, которое гласило: «Ввиду совершенной устарелости учебных планов юридических факультетов российских университетов и других равноправных последним высших учебных заведений, а также полного несоответствия этих планов как требованиям научной методологии, так и потребности советских учреждений в высококвалифицированных работниках, постановляется: 1) юридические факультеты как особые подразделения университетов или аналогичных им высших учебных заведений упраздняются»³³.

В п. 3 Постановления говорилось, что отдельные кафедры юридических факультетов (кафедры политической экономии и статистики, финансового права, международного права) «временно, впредь до образования факультетов общественных наук, перечисляются в состав исторического отделения историко-филологических факультетов, кафедра государственного права преобразуется в кафедру советского законодательства, со введением этого предмета в нормальную программу всех факультетов, остальные кафедры упраздняются и занимающие их преподаватели оставляются за штатом с 15 января 1919 года»³⁴.

Содержание приведенного постановления Наркомпроса свидетельствует прежде всего о том, что принято оно было в спешке, без должной продуманности порядка и сроков ликвидации юридических факультетов. Факультет общественных наук, который должен был взять на себя подготовку юристов и соответственно принять в свой состав кафедры ликвидированного юридического факультета, еще отсутствовал: его планировалось создать позднее. Поэтому кафедры

³² Культура, наука и образование. Октябрь 1917–1920 г. Протоколы и постановления Наркомпроса РСФСР. Кн. 1. Октябрь 1917–1918 г. С. 889.

³³ Протокол заседания Коллегии Народного комиссариата по просвещению РСФСР № 112 (148). 23 декабря 1918 г. [Прил. к п. IV] // Там же. С. 1066.

³⁴ Там же.

правовых наук передавались на время до появления ФОНа в состав историко-филологического факультета. Установленный для выполнения этого постановления трехнедельный срок был нереален. Поэтому 13 января 1919 г. Коллегия Наркомата просвещения постановила: «Срок ликвидации юридических факультетов продлить до 15 февраля 1919 года»³⁵.

После издания Постановления об упразднении юридических факультетов М. Н. Покровский напомнил профессорам юридического факультета Московского университета, что летом 1918 г. им было предложено Наркоматом просвещения «переработать учебные планы бывших юридических факультетов». И каков был результат? — «Профессура поступила так, как она всегда поступала в подобных случаях: на словах согласилась, а на деле все оставила по-старому, кое-где переменив ярлычки»³⁶.

Нельзя не признать, что для упразднения юридических факультетов в Советской России в 1918 г. действительно имелись определенные объективные основания.

Преподаватели юридических факультетов в это время столкнулись с остройшей проблемой: что преподавать студентам, чему их учить? Российское правоведение, опиравшееся на законы царской России и буржуазной республики 1917 г., утратило свое образовательное значение. Но и советское правоведение как особый вариант юридической науки еще не сложилось. Оно могло возникнуть лишь на основе нового типа права, соответствующего формировавшемуся новому общественному и государственному строю.

Между тем первые годы существования Советского государства были чрезвычайно неблагоприятны для становления новой правовой культуры. Осуществлявшийся в это время руководством большевистской партии революционный слом прежнего общественного и государственного строя и проводившаяся в связи с гражданской войной политика «военного коммунизма» оставляли мало места праву, правовым формам, законам и законности.

Правовед *Михаил Андреевич Рейснер* (1868–1928) образно характеризовал сложившуюся ситуацию следующими словами: «Под оглушающими ударами революционной бури мощная растительность буржуазного права потерпела жестокие уроны. Одно время это бедное гонимое право скрывалось в буквальном смысле слова в подполье. Сделки гражданского оборота совершались под непрестанным страхом нападения грозной чрезвычайной комиссии во имя военного комму-

³⁵ Сборник декретов и постановлений Рабоче-Крестьянского правительства по народному образованию. Вып. 2 (с 7 ноября 1918 г. по 7 ноября 1919 г.). М., 1920. С. 16.

³⁶ Покровский М. Н. По поводу закрытия юридических факультетов // Народное просвещение. Еженед. НКП. 1918. № 23–25. 28 дек. С. 3.

низма»³⁷. Однако разрушение прежнего правопорядка само по себе не создавало и не могло создать нового правопорядка. Он мог сложиться только в результате законодательной деятельности новой власти, и его возникновение являлось необходимым условием победы революции. «Там, где нет права, как общепризнанной силы, там неизбежно его место занимает произвол. И если революция сама разрывает правовое преемство, то из этого разрыва неизбежно должно родиться новое право, без чего самое дело революции не может почитаться упроченным»³⁸, — так выразил эту закономерность автор статьи «Задачи правового строительства», обозначенной инициалами С.К.

Законодательная деятельность Советского государства в первое время его существования была чрезвычайно интенсивной³⁹. Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства, принятых за период с момента установления Советской власти и по 1919 г., включает в себя 1629 законодательных актов. Среди них два кодекса: «Кодекс законов об актах гражданского состояния, Брачном, Семейном и Опекунском праве», опубликованный в названном Собрании 22 октября 1918 г., и «Кодекс законов о труде», напечатанный 10 декабря 1918 г. Однако издание такого большого количества узаконений не давало оснований говорить о том, что в то время уже сложилось новое — советское — право.

Принимавшиеся в течение первых лет Советской власти новые законодательные акты не охватывали всего комплекса общественных отношений, оставляя множество пробелов. Но и прежнее законодательство в значительном его объеме было невозможно использовать, поскольку экономический и общественный строй претерпели глубокие изменения уже в конце 1917—первой половине 1918 г. Помещичья собственность на землю была отменена, и вся земля обращена во всенародное достояние Декретом о земле, принятым II съездом всероссийским съездом Советов 26 октября (8 ноября) 1917 г. Позднее из частного оборота были выведены строения на земле, отрасли крупной промышленности, транспорт, внешняя торговля, банковское дело и т. д.

Правовед А. Г. Гойхбарг, обозревая перемены в правовом регулировании отношений между частными лицами, которые произошли менее чем за два года после установления Советской власти, отмечал, что в этой сфере все только разрушалось. Причем, как он показал, для

³⁷ Рейснер М.А. Право. Наше право. Чужое право. Общее право. Л., 1925. С. 6.

³⁸ С. К. Задачи правового строительства // Пролетарская революция и право. 1921. № 15. С. 83.

³⁹ Подробнее об основных законодательных актах, принятых в первые два года Советской власти см.: Максимова О.Д. Законотворчество в Советской России в 1917—1922 годах. М., 2011. С. 1—225.

разрушения системы правового регулирования частных отношений достаточно было вынуть из нее какой-нибудь один ключевой элемент, например наследование. «Уничтожен пролетариатом, — писал он осенью 1918 г., — целый огромный отдел гражданского буржуазного права: отменено без всяких изъятий право наследования⁴⁰. Далее в тех случаях, когда частная собственность еще не отменена, она перестает быть собственностью в том смысле, как ее понимает буржуазное право. За пределы жизни ее обладателя она своей тени отбрасывать не может»⁴¹. Общий вывод А. Г. Гойхбарга гласил: «Можно смело сказать, что от всего так называемого гражданского права не оставлено почти ничего»⁴².

В этих условиях отмена множества прежних законов произошла сама собой, вследствие ликвидации тех общественных отношений, которые они регулировали. Но вместе с тем были изданы законодательные акты, упразднившие старые суды и учреждавшие новые судебные органы. Они провозгласили принципы, которые резко ограничили возможность использования в судебных процессах старых законов.

К таким законодательным актам относились прежде всего три декрета о суде, принятые в ноябре 1917 г., в феврале и июле 1918 г. Изданный 22 ноября (5 декабря) 1917 г. Декрет о суде провозгласил в п. 5: «Местные суды решают дела именем Российской Республики и руководятся в своих решениях и приговорах законами свергнутых правительства лишь постольку, поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию»⁴³. В примечании к этому предписанию пояснялось: «Отмененными признаются все законы, противоречащие декретам Центрального Исполнительного Комитета Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и Рабочего и Крестьянского правительства, а также программам-минимум Российской социал-демократической рабочей партии и партии социалистов-революционеров»⁴⁴.

Автором Декрета о суде от 22 ноября 1917 г. (вместе с членом коллегии наркомата юстиции М. Ю. Козловским) был *Петр Иванович Стучка* (*Pēteris Janovičs Stučka*, 1865–1932), тогдашний руководитель народного комисариата юстиции РСФСР в ранге временного заместителя наркома юстиции. Впоследствии он сыграет немаловажную роль в судьбе юридического факультета МГУ. В рассматриваемое же время

⁴⁰ Декрет об отмене наследования был принят 27 апреля 1917 г.

⁴¹ Гойхбарг А. Г. Пролетариат и гражданское право // Октябрьский переворот и диктатура пролетариата. М., 1919. С. 229.

⁴² Там же. С. 230.

⁴³ Декрет о суде. 22 ноября (5 декабря) 1917 г. // Декреты Советской власти. Т. 1: 25 октября 1917 г. — 16 марта 1918 г. М., 1957. С. 12; Собр. узаконений и распоряжений РКП. 1917. № 4. 12 дек. С. 42.

⁴⁴ Там же.

Стучка занимался разработкой первоначальных основ советского права и советского варианта юридической науки. Именно он включил в текст Декрета о суде от 22 ноября 1917 г. слова «революционное правосознание»⁴⁵. Объясняя впоследствии, почему им был использован данный термин, Петр Иванович отмечал: «Когда мы писали в декрете № 1 о революционном правосознании, мы это сделали по необходимости, но мы никогда не объявили это правосознание некоторым таинственным источником правды и справедливости. Ибо, скажу откровенно, это правосознание все еще остается, к сожалению, слишком буржуазным даже у коммунистов»⁴⁶.

В историко-правовой литературе указание на возможность применения местными судами законов прежних правительств, не противоречащих революционной совести и революционному правосознанию, часто трактуется как признание революционного правосознания источником права⁴⁷. В проекте Декрета о суде № 1 предполагалось, что «местные рабочие и крестьянские революционные суды» будут руководствоваться «в своих решениях и приговорах не писанными законами свергнутых правительств, а декретами Совнаркома, революционной совестью и революционным правосознанием»⁴⁸. Эта формулировка действительно придавала революционному правосознанию характер источника права, поскольку на его основе можно было выносить судебные решения. Однако она была отвергнута, и в окончательном варианте текста Декрета о суде № 1 революционное правосознание было представлено всего лишь критерием для определения, какие законы свергнутых правительств могут применяться в новых судах и какие не могут.

Сам автор рассматриваемого Декрета не придавал термину «революционное правосознание» значения источника права, поскольку считал, что явление, которое данный термин обозначал, было слишком неопределенным, бесформенным, чтобы служить в таком каче-

⁴⁵ В статье «Революционная законность», впервые опубликованной в 1922 г., П. И. Стучка признался: «Я, как автор декрета № 1 о народном суде, все еще чувствую на себе ответственность за введение в наш обиход «революционного сознания или совести»» (Известия. 1922. № 192; также см.: Стучка П. И. 13 лет борьбы за революционно-марксистскую теорию права. Сб. ст. 1917–1930. М., 1931. С. 102).

⁴⁶ Стучка П. И. Революционная законность // Известия. 1922. № 192; также см.: его же. 13 лет борьбы за революционно-марксистскую теорию права. Сб. ст. 1917–1930. М., 1931. С. 103–104.

⁴⁷ По словам О. И. Чистякова, «в первый период истории Советского государства» «существовала сфера отношений, не урегулированных никакими нормативными актами. Поэтому в качестве специфического источника права выступало непосредственно революционное правосознание трудащихся масс» (История отечественного государства и права: В 2 ч. Ч. 2: учеб. / Под ред. О. И. Чистякова. М., 2011. С. 61–62).

⁴⁸ Цит. по: Стучка П. И. Пять лет революции права // Еженед. сов. юстиции. 1922. № 44–45. С. 2.

стве. А самое главное: в его содержании присутствовали, по мнению Стучки, элементы не только социалистического, но и буржуазного правопонимания, воспринятого от дореволюционной правовой культуры.

Вспоминая в первом томе своего курса советского гражданского права, изданного в 1927 г., о том, как появился Декрет о суде № 1, П. И. Стучка сделал весьма интересное замечание: «Для всякого ясно, что тогда **никакого особого революционного правосознания еще не было**. Поэтому, по предложению Ленина, и было пояснено, что отмененными признаются все законы, противоречащие декретам ЦИК, а также программам-минимум РСДРП и партии с.-р. (в правительство тогда входили левые эсеры)»⁴⁹ (выделено мной. — В. Т.).

В текст Декрета о суде № 2, опубликованного 22 февраля 1918 г., В. И. Ленин вписал вместо терминов «революционная совесть» и «революционное правосознание» слова «правосознание трудящихся», которые по сравнению с указанными терминами имели более конкретный смысл. В результате ст. 8 Декрета о суде № 2, устанавливавшая правила применения судами процессуальных норм, действовавших в Российской империи, была издана в следующей формулировке: «Судопроизводство как по гражданским, так и по уголовным делам происходит по правилам судебных уставов 1864 года постольку, поскольку таковые не отменены декретами Центрального Исполнительного Комитета Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Казачьих Депутатов и Совета Народных Комиссаров и не противоречат правосознанию трудящихся классов. В этом последнем случае в решениях и приговорах должны быть указаны мотивы отмены судом устарелых или буржуазных законов»⁵⁰. Любопытно, что в ст. 6 Декрета о суде № 2 был использован еще более конкретный термин «народное правосознание». Правда, под народом в большевистской идеологии понималось не все население России, а только часть его, состоявшая из трудящихся масс.

На практике в первые годы Советской власти правосознание действительно играло определяющую роль в судебной деятельности — в рассмотрении судебных дел и при вынесении судебных решений и приговоров. Но это было не правосознание народа или трудящихся масс, а **личное правосознание самих судей**. Заведующий отделом в Наркомате юстиции РСФСР, редактор «Еженедельника советской юстиции» А. А. Лисицын вспоминал в 1922 г. о том, как действова-

⁴⁹ Стучка П. И. Курс советского гражданского права. Т. 1: Введение в теорию гражданского права. М., 1927. С. 36.

⁵⁰ Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Казачьих Депутатов «О суде (Декрет № 2)» // Собр. узаконений и распоряжений РКП. 1918. № 26. 7 марта (22 февр.). С. 365.

ли народные судьи «созыва 1917–1918 г.» после введения в действие Декрета о суде № 1: «Даже скромное веление первого декрета о суде руководиться старыми законами “постольку, поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию”, было отменено логикой и формой судебной работы. Единственным мерилом было социалистическое правосознание. Самый суд в наших глазах представлялся организацией, подлежащей отмиранию, и все старые формы репрессии, до революции применявшиеся в отношении отдельной личности, если эта личность своими действиями не проявляла враждебности к новому строю, а лишь покушалась на собственность, были противны **сознанию судьи** и вследствие этого народный суд первого периода фактически не наказывал за нарушения, а лишь старался воздействовать на нарушителей, и не без успеха, мерами воспитательного характера (условное осуждение, общественное порицание, заглаждение вреда, принудительное политическое воспитание, помилование, досрочное освобождение и пр.). Иначе не могло бы быть и по другим причинам. Посыпать в места заключения, зная их состояние, зная, что там нет трудового режима, что там тиф пожирает свои жертвы, суд не мог и только в крайних случаях применял меру задержания. Даже в отношении к спекулянтам суд применял чаще имущественные взыскания или принудительные работы и только как средство понуждения к уплате штрафа определял личное наказание»⁵¹ (выделено мной. — В. Т.).

Любая наука предполагает собственный объект исследования, а также особую методологию. Для юридической науки таким объектом не может быть одно только *правосознание*, отличающееся как всякое подобное явление, субъективным характером и вследствие этого свойствами неопределенности и неустойчивости. Как показывает история правоведения, юридические науки всегда формировались и развивались на базе материала, имеющего внешние, объективные и устойчивые формы выражения. Таким материалом могли быть только действующие, применяющиеся для разрешения конфликтов правовые нормы, принципы, судебные решения, т. е. действительно существующее право.

Советский вариант права к концу 1918 г., когда в Наркомате просвещения РСФСР принималось решение о дальнейшей судьбе юридических факультетов, еще не сформировался. «В это время, — вспоминал П. И. Стучка, — появилось слово “советское” право, скорее всего, по нашей революционной привычке прибавлять слова “красное”, “советское”, “революционное”, без всякой “задней” мысли. “Красное право” что-то не звучит хорошо, “революционное” право наводит

⁵¹ Лисицын А. Итоги и перспективы // ЕСЮ. 1922. № 44–45. С. 19.

на размышления (сочетание “право” и “революция”), — значит “советское”»⁵².

Термин «советское право» в тех условиях мог выражать лишь идею особого типа права, но не само это право как реально существовавшее. В связи с этим не сложилось и советского правоведения. Описывая в своей итоговой книге «Право. Наше право. Чужое право. Общее право», опубликованной в 1925 г., состояние юриспруденции в Советском государстве в начальный период его существования, М. А. Рейснер констатировал: «У нас в партии правоведением занялись не раньше, как военный коммунизм сменился так называемой новой экономической политикой. Таким образом первые годы нашей революции с ее изумительной революционной и организаторской деятельностью прошли почти бесследно для теоретического обозначения правовой сферы и ее задач, так же как для определения подлинных характерных черт нового действительно классового и пролетарского права»⁵³.

Подобный вывод делал и П. И. Стучка в 1922 г. По его словам, «революция права лишь на 5-й год проникла и в теорию, как ни странно, в то время, когда мы находились уже в стадии отступления и в области права»⁵⁴.

Вследствие этого юридические факультеты университетов Советской России весь 1918 год пребывали в противоречивом положении: преподавание дореволюционного российского правоведения являлось для них бесполезным и невозможным, а новое, советское правоведение отсутствовало. Ликвидация юридических факультетов оказалась самым простым и самым грубым способом разрешения этого объективно сложившегося противоречия. Но выбор Наркоматом просвещения именно такого выхода из него был обусловлен в значительной степени субъективными взглядами его руководителей на предназначение права и юридической науки. Заместитель наркома просвещения М. Н. Попковский, выступивший на заседании коллегии Наркомата просвещения 23 декабря 1918 г. с предложением упразднить юридические факультеты, связывал существование права и юриспруденции лишь с эгоистическими интересами буржуазии и поэтому считал, что у юридических факультетов при социализме нет будущего.

Юридико-политическое (правовое) отделение факультета общественных наук (ФОН) 1-го Московского государственного университета. Идея превращения юридического факультета в факультет общественных наук выдвигалась в России при обсуждении реформы университе-

⁵² Стучка П. И. Пролетарский суд и буржуазное право // Вестн. коммунистической акад. 1925. Кн. 13. С. 236.

⁵³ Рейснер М. А. Право. Наше право. Чужое право. Общее право. Л., 1925. С. 26–27.

⁵⁴ Стучка П. И. Пять лет революции права // ЕСЮ. 1922. № 44/45. С. 3.

тов еще до революции. Так, публицист И. Постелов отмечал в статье «Итоги нашей общественной мысли по университетскому вопросу», опубликованной в 1916 г. в № 7 и 8 журнала «Вестник воспитания», что одним из главных достоинств университета, способствующих прогрессу научного творчества, является «единство знания, объединенность наук», и в связи с этим заявлял: «Самая группировка наук, их университетские циклы должны носить более цельный, внутренне объединенный характер. Например, **юридическому факультету давно пора придать смысл факультета общественных наук, что естественнее выражает его природу**. В течение первых двух лет изучаются основные науки: психология, этика, социология, философия права, теория государства, общая теория права, история славянского права. С третьего курса намечается большая специализация по отделениям: государственных наук, судебно-юридических и экономических»⁵⁵ (выделено мной. — В. Т.).

Как видим замена юридического факультета на факультет общественных наук предлагалась с целью теснее увязать преподавание юридических наук с другими гуманитарными науками, изучающими поведение человека.

В Советской России предложение заменить юридические факультеты факультетами общественных наук впервые прозвучало на заседании Государственной комиссии по просвещению 21 сентября 1918 г. Но здесь этой реформе придавался исключительно политический смысл. При обсуждении вопроса о судьбе юридических факультетов член коллегии Московского отдела образования Сергей Иванович Мицкевич сказал в своем выступлении: «Без обновления состава, мне кажется, дело не выйдет. В этом отношении нужно пойти по более решительному пути. В самом деле, возмите историко-филологический и юридический факультеты. Чего нам бояться, что большинство профессоров этих факультетов уйдет?.. Я думаю, что никакой беды нет в том, если все юристы и филологи уйдут в громадном большинстве и вместо этих двух факультетов образуется факультет общественных наук, который надо создавать заново»⁵⁶. Любопытно, что по своему образованию С. И. Мицкевич был не юристом, а медиком (в 1893 г. он окончил медицинский факультет императорского Московского университета), но тем не менее считал для себя вполне допустимым предлагать меры по реформе юридического образования. В конце своего выступления он твердо заявил: «Я предлагаю уничтожить историко-

⁵⁵ Постелов И. Итоги нашей общественной мысли по университетскому вопросу (окончание) // Вестн. воспитания (науч.-популяр. ж-л, изд. под ред. Н. Ф. Михайлова). 1916. № 8. С. 137.

⁵⁶ Стенографические отчеты. Государственная комиссия по просвещению. 7-е заседание от 21 сентября 1918 г. // Народное просвещение. 1919. № 6—7. С. 143.

филологический и юридический факультеты, создать общественный факультет, а профессоров провести через жюри»⁵⁷.

Это предложение было зафиксировано в стенографическом отчете заседания Государственной комиссии по просвещению от 21 сентября 1918 г., однако в протоколе данного заседания оно почему-то не нашло отражения. Между тем ему суждено было осуществиться на практике.

М. Н. Покровский воспринял предложенную С. И. Мицкевичем идею замены юридического факультета факультетом общественных наук именно в этом, политическом смысле, т. е. как способ изменения программы преподавания наук студентам-правоведам и обновления состава преподавателей, обучающих будущих юристов.

3 марта 1919 г. на заседании Коллегии Наркомата просвещения был рассмотрен вопрос о факультете общественных наук. Основным докладчиком по нему выступил М. Н. Покровский. Он внес на утверждение Коллегии проекты Постановления Наркомата просвещения и «Положения о факультете общественных наук». Постановление гласило: «С 16 марта сего года взамен упраздненных юридических факультетов при государственных университетах РСФСР учреждаются факультеты общественных наук на основаниях, при сем прилагаемых... В государственных университетах Москвы и Петрограда Отделу высших учебных заведений (а в Петрограде — соответствующему отделу Совпроса) предоставляется объединить факультеты общественных наук всего города по плану, который имеет быть выработан этими отделами»⁵⁸.

Текст «Положения о факультете общественных наук» умешался на одной печатной странице. В п. 1 этого документа объявлялось, что данный факультет создается «взамен бывшего юридического факультета и исторического отделения историко-филологического факультета». Далее устанавливалось, что «все студенты факультета независимо от дальнейшей специализации изучают в течение первых двух лет цикл предметов общих, преподавание коих стремится дать им общее социологическое образование, являющееся необходимой предпосылкой образования специального». В п. 3 предусматривалось, что «наряду с этими общими предметами со второго года ведется также преподавание, имеющее целью заложить уже здесь необходимые основы будущей специализации». Пунктом 4 предписывалось разделить факультет общественных наук, начиная с третьего года, на «три отделения: **экономическое, юридико-политическое, историческое**».

Наряду с «Положением о факультете общественных наук» Коллегия Наркомата просвещения утвердила на заседании 3 марта 1919 г.

⁵⁷ Там же. С. 144.

⁵⁸ Постановление Народного Комиссариата по просвещению о факультетах общественных наук. 3 марта 1919 г. // Сб. декретов и постановлений РКП по народному образованию. Вып. 2: с 7 ноября 1918 г. по 7 ноября 1919 г. М., 1921. С. 16.

также план преподавания на факультете общественных наук в летнем семестре и свой список преподавателей ФОНа 1-го МГУ для добавления к прежнему составу профессоров юридического факультета. В него вошли историки, правоведы, экономисты, большевистские идеологи — всего 30 преподавателей: «1. Богданов А. А. 2. Боголепов Д. П. 3. Богословский М. М. 4. Бухарин Н. И. 5. Веселовский С. Б. 6. Виппер Р. Ю. 7. Волгин В. П. 8. Первухин С. А. 9. Гойхбарг А. Г. 10. Евтихьев А. Ф. 11. Ильин И. А. 12. Исаев М. М. 13. Каблуков И. А. 14. Каценеленбаум Р. С. 15. Котляревский С. А. 16. Кузовков Д. В. 17. Курский Д. И. 18. Ломов-Оппоков Г. И. 19. Лукин Н. М. 20. Осинский В. В. 21. Петрушевский Д. М. 22. Покровский И. А. 23. Покровский М. Н. 24. Прокопович С. Н. 25. Рейнер М. А. 26. Рязанов Д. Б. 27. Савин А. Н. 28. Степанов И. И. 29. Сторожев В. Н. 30. Таль Л. С.»⁵⁹.

14 апреля 1919 г. постановление Коллегии Наркомата по просвещению объявило об учреждении факультета общественных наук при 1-м МГУ и о начале здесь занятий 5 мая⁶⁰. Спустя две недели состоялось организационное заседание ФОНа под председательством заместителя наркома просвещения М. Н. Покровского. Руководителем юридико-политического отделения ФОНа был назначен профессор А. М. Винавер. 31 июля 1919 г. он был избран председателем Временного президиума ФОНа 1-го МГУ. Этую должность А. М. Винавер занимал полтора года⁶¹.

Учебная программа ФОНа устоялась не сразу и сложнее всего было выработать ее для юридико-политического отделения. Подписанный А. М. Винавером в октябре 1920 г. учебный план для ФОНа на предстоявший академический год предусматривал преподавание целого ряда юридических наук, причем не только студентам-юристам, но также историкам и экономистам. Однако это были, как правило, историко-правовые науки и юридические дисциплины общего характера. Так, в перечень общефакультетских предметов включались: 1) История Западной Европы в XIX в. (Ю. В. Сергиевский); 2) История русского права (Б. И. Сыромятников); 3) Политическая экономия (В. Я. Железнов и Н. Н. Шапошников); 4) Логика (И. А. Ильин); 5) История России в

⁵⁹ Состав основного ядра преподавателей Факультета общественных наук 1-го Московского госуд[арственного] университета // Культура, наука и образование. Октябрь 1917–1920 гг. Протоколы и постановления Наркомпроса РСФСР. Кн. 2: Январь — декабрь 1919 г. М., 2016. С. 180.

⁶⁰ Постановление Коллегии Народного Комиссариата по Просвещению об учреждении факультета общественных наук при 1 Московском государственном университете. 14 апреля 1919 г. // Сб. декретов и постановлений РКП по народному образованию. Вып. 2: с 7 ноября 1918 г. по 7 ноября 1919 г. М., 1921. С. 22.

⁶¹ 30 января 1921 г., накануне преобразования ФОНа, был назначен временный его деканат в составе профессоров В. П. Волгина и И. Д. Удальцова, а также Г. К. Махарадзе. 9 июня 1921 г. деканом ФОН стал профессор Н. М. Лукин. 6 сентября 1923 г. на этот пост был избран профессор В. К. Сережников.

XVIII и XIX в. (*А. А. Кизеветтер*); 6) Основы марксизма (*И. М. Херасков*); 7) История институтов частного права (*А. М. Винавер*); 8) История социалистических учений (*В. П. Волгин*); 9) Государственное право (*С. А. Котляревский*); 10) Теория статистики (*П. А. Вихляев*); 11) Учение о развитии народного хозяйства (*С. П. Прокопович*); 12) Общая теория права (*В. М. Устинов*).

Учебный план для юридико-политического отделения ФОНа предполагал преподавание 32 предметов (учебных дисциплин). Их можно было разделить на три основных группы:

І. Предметы, представляющие собой юридические науки фундаментального характера. ІІ. Предметы, представляющие собой юридические науки отраслевого характера. ІІІ. Предметы, представлявшие собой отдельные разделы или темы фундаментальных или отраслевых юридических наук.

К *первой* группе учебных дисциплин относились: 1) История философии права (*И. А. Ильин*); 2) История государственных форм и политических учений (*М. С. Фельдштейн*); 3) Общее учение о суде (*Н. Н. Полянский*); 4) Международное частное право (*он же*); 5) Международное публичное право (*А. Н. Нерсесов*).

Вторую группу составляли: 1) Государственное право (*С. А. Котляревский*); 2) Административное право (*М. Д. Загряцков*); 3) Уголовное право (*М. Н. Гернет*); 4) Основы гражданского права (*А. Э. Вормс*); 5) Рабочее право (*Л. С. Таль*); 6) Законодательство о труде (*Д. М. Генкин*); 7) Введение в науку торгового права (*В. Н. Шретер*); 8) Торговое право Р.С.Ф.С.Р. (*он же*); 9) Кооперативное право (*он же*); 10) Учение о суде уголовном (*Н. Н. Полянский*); 11) Учение о суде гражданском (*В. Ю. Вольф*).

Третью группу представляли такие предметы, как: 1) История политических и правовых идей средних веков и нового времени (*С. А. Котляревский*); 2) Источники права и история права Московского государства в XVI и XVII вв. (*С. Б. Веселовский*); 3) История институтов частного права (*А. М. Винавер*); 4) Государственное право Западной Европы (*Н. П. Ануфриев*); 5) Учение о народном представительстве (*В. М. Устинов*); 6) Конституционная история 3-й республики во Франции с обзором внешних отношений (*М. С. Фельдштейн*); 7) Учение о правосознании (*И. А. Ильин*); 8) Уголовная этнология (*М. Н. Гернет*); 9) Судебная медицина в связи с антропологией (*П. А. Минаков*); 10) Гражданское право Западной Европы (*И. Б. Новицкий*); 11) Частное право коллективов (*Л. С. Таль*); 12) Учение об ассоциациях (*В. Ю. Вольф*); 13) Военно-уголовный процесс (*Н. Н. Полянский*); 14) История международных отношений (*С. А. Котляревский*); 15) Первобытное право (*А. Н. Максимов*); 16) Первобытное хозяйство (*он же*).

Кроме лекций во всех отделениях ФОНа было предусмотрено проведение по всем главным предметам учебной программы «семинариев и практических занятий». Все преподаватели ФОНа имели звание профессора.

Обучение было рассчитано на четыре года. Занятия начинались с 17:00 и продолжались до 22:00 и проводились шесть дней в неделю.

Располагался ФОН и в том числе его юридико-политическое отделение в здании по адресу ул. Моховая (впоследствии: Герцена), дом 11. Впоследствии именно в этом здании разместился возрожденный юридический факультет МГУ.

1919–1920-е годы были временем тяжких испытаний для русских людей, страдавших и от материальных лишений, и от произвола новых властивущих. Не обошла тяжкая доля и Московский университет. «Преподаватели, студенты и служащие университета постоянно находились под Дамокловым мечом обыска и ареста, — вспоминал десятилетие спустя М. М. Новиков, избранный в марте 1919 г. ректором Московского университета. — И надо сказать, что этот меч нередко обрушивался на членов нашей академической семьи, особенно часть, конечно, на профессоров. Хлопоты об освобождении их и являлись обычным поводом моих посещений Наркомпроса. Помню в одно из таких посещений я упрекнул М. Н. Покровского в несправедливости и излишней жестокости по отношению к лояльным гражданам. На это он мне ответил: “Вы, как биолог, должны знать, сколько крови и грязи бывает при рождении человека. А мы рождаем целый новый мир”. Мне пришлось заметить, что современная биология требует от всех, присутствующих при рождении ребенка, безукоризненной чистоты рук. После этого разговор был круто повернут в другую сторону»⁶².

М. М. Новиков, занимавший пост ректора до ноября 1920 г., и сам не избежал арестов⁶³. В конце февраля 1920 г. по делу о так называемом «Тактическом центре», политическом объединении, якобы созданном для координации деятельности антибольшевистских организаций в г. Москве, были арестованы профессора юридико-политического отделения ФОНа И. А. Ильин и М. С. Фельдштейн. Иван Александрович был сразу отпущен по требованию Ленина, ценившего его как автора книг о гегелевской философии, а Михаила Соломонович 20 августа 1920 г. Верховный ревтрибунал сначала приговорил к расстрелу, а за-

⁶² Новиков М. М. Московский университет в первый период большевицкого режима // Московский университет. 1755–1930: юбил. сб. Изд. Парижского и Пражского комитетов по ознаменованию 175-летия Московского университета / Под ред. В. Б. Ельяшевича, А. А. Кизеветтера, М. М. Новикова. Париж, 1930. С. 180.

⁶³ 16 августа 1922 г. бывший ректор 1-го МГУ М. М. Новиков был арестован в последний раз. 25 августа Коллегия ГПУ постановила выслать его из пределов РСФСР за границу.

тем заменил этот приговор на условное тюремное заключение сроком на 5 лет и освободил в зале суда.

5 февраля 1920 г., не выдержав испытаний большевизмом, повесился профессор В. М. Хвостов⁶⁴. В тот же день в Новороссийске умер от сыпного тифа профессор Е. Н. Трубецкой. Два с небольшим месяца спустя — еще одна тяжелая утрата для юридического факультета: в ночь с 13 на 14 апреля — скончался от сердечного приступа профессор И. А. Покровский. Перед этим он поднимал вязанку дров по лестнице на этаж, где находилась его квартира, и упал, обессиленный от голода и холода, под ее тяжестью.

* * *

4 марта 1921 г. был издан Декрет СНК РСФСР «О плане организации факультетов общественных наук российских университетов»⁶⁵. Юридико-политическое отделение ФОНа было преобразовано в «правовое с циклом: судебным и административным». Вместо исторического отделения было создано «общественно-педагогическое с циклом: школьным и внешкольным». Экономическое отделение стало называться «экономическим с циклом: организации промышленности, труда снабжения и финансово-административным». Кроме того, в Московском университете в составе ФОНа были открыты отделения: «статистическое, внешних сношений, художественно-литературное».

В п. 6 рассматриваемого декрета предусматривалось создание научных институтов «для разработки различных отраслей общественных наук и для подготовки высококвалифицированных научных работников по этим наукам». 1 августа 1921 г. при ФОН 1-го МГУ были созданы семь таких учреждений. Среди них — Институт теории и истории права под руководством профессора А. М. Винавера. Его членами стали также И. Б. Новицкий и М. А. Рейснер. И. А. Ильин вошел в состав Института научной философии.

Декрет о плане реорганизации ФОНовставил перед ними задачу создания кадров «научно-подготовленных практических работников социалистического строительства». Для ее выполнения необходимо было выработать более эффективную систему преподавания наук. В течение 1921 и 1922 гг. шел поиск наиболее оптимального учебного плана для правового отделения ФОНа. Государственным ученым советом было принято решение сократить его многопредметность, оставив в программе обучения лишь базовые предметы, позволяющие

⁶⁴ Там же. С. 184.

⁶⁵ Собр. узаконений и распоряжений РКП. 1921. Ст. 117. № 19. 20 марта. С. 176—177.

получить «достаточно широко и солидно подготовленных юристов»⁶⁶. При этом особое внимание было обращено на «надлежащую постановку семинарских и практических занятий»⁶⁷. Обязательными для посещения студентами были объявлены семинарии по политической экономии, по государственному устройству РСФСР и по толкованию и применению норм права.

При правовом отделении были организованы учебно-вспомогательные учреждения: 1) семинарская библиотека, 2) кабинет и музей криминологии и уголовного права, 3) кабинет уголовного процесса, 4) кабинет и библиотека частного права. Кабинеты государственного, а также административного права и социальной политики были открыты в составе созданного Института советского права.

В результате мер, принятых для совершенствования системы обучения юридическим наукам, структура и учебный правового отделения приобрели к 1 января 1923 г. следующий вид.

Преподавание базовых учебных дисциплин было сосредоточено на пяти кафедрах: 1) *общей теории и истории права* (профессора А. М. Винавер, С. А. Котляревский, М. А. Рейснер; 2) *частного права* (профессора А. Э. Вормс, И. Б. Новицкий, В. Н. Шретер); 3) *уголовного права* (профессора М. Н. Гернет, Н. Н. Полянский, А. Н. Трайнин); 4) *публичного права* (профессора А. И. Елистратов, М. Д. Загрязков, Д. А. Магеровский, М. С. Фельдштейн); 5) *хозяйственного и трудового права* (профессор Л. С. Таль, преподаватели И. С. Войтинский, З. Р. Теттенборн).

Для преподавания более специализированных учебных дисциплин были привлечены сверхштатные профессора: А. Н. Нерсесов для чтения лекций по консульскому право; Б. И. Сыромятников для проведения семинариев по курсу «Учение о развитии и истории права»; Я. А. Берман — семинариев по курсу «Хозяйство и право во взаимных отношениях»; М. М. Исаев — семинариев по уголовному праву; В. Н. Дурденевский для чтения лекций по курсу «Автономия и федерация»; В. Э. Грабарь для чтения лекций по международному праву; Г. С. Гурвич для чтения лекций по государственному праву иностранных держав. А также сверхштатные преподаватели: В. Ю. Вольф для чтения лекций по гражданскому процессу и проведения семинариев по толкованию и применению норм права; Е. А. Коровин для чтения лекций по курсам «Международное право переходного времени» и «Международное публичное право»; Л. А. Лунц для чтения лекций по международным расчетам.

⁶⁶ Отчет о состоянии и действиях 1-го Московского государственного университета за 1922 г. М., 1923. С. 95.

⁶⁷ Там же.

Для чтения лекций по курсу истории XIX–XX вв. был приглашен правовед Андрей Януарьевич Вышинский.

Кроме того, в рамках правового отделения появились штатные научные сотрудники: М. В. Зимелева как специалист по истории права и государства; Б. А. Патушинский и Л. Я. Гинцбург как специалисты по общей теории права; Б. Е. Штейн и В. В. Овчинникова как специалисты по истории философии, права и политических наук. И один сверхштатный научный сотрудник: И. Н. Ананов как специалист по административному праву⁶⁸.

В следующем году структура правового отделения снова подверглась изменениям. Базовыми кафедрами к 1 января 1924 г. стали: 1) *теория права* (проф. М. А. Рейншер); 2) *государственное право СССР* (профессора Д. А. Магеровский и Г. С. Гурвич, преподаватель Е. Б. Пашуканис); 3) *история публичного права* (проф. С. А. Котляревский); 4) *административное право* (проф. А. И. Елистратов); 5) *международное право* (проф. В. Э. Грабарь, преподаватель Е. А. Коровин); 6) *уголовное право* (профессора М. Н. Гернет и М. М. Исаев, преподаватель А. А. Пионтковский); 7) *уголовный процесс* (проф. Я. А. Берман; 8) *гражданское право* (профессора И. Б. Новицкий и А. Г. Гойхбарг, преподаватель З. Р. Тетенборн); 9) *торгово-промышленное право* (проф. В. Н. Шретер); 10) *рабочее право* (проф. И. С. Войтинский); 11) *международное частное право* (проф. А. Э. Вормс)⁶⁹.

Эта структура правового отделения и распределение учебной нагрузки сохранились в неизменном виде и в следующем году⁷⁰. Председателем президиума правового отделения при этом являлся профессор И. Б. Новицкий. А председателем президиума отделения внешних сношений, где преподавались международно-правовые дисциплины, был правовед профессор С. А. Котляревский.

К 1 января 1922 г. на всех семи отделениях ФОН обучалось 4 949 студентов. Через год их стало 6 517⁷¹. Это отражало возросшую потребность страны в специалистах с высшим образованием.

⁶⁸ Именной список профессоров, преподавателей и научных сотрудников 1-го Московского государственного университета, состоявших на 1 января 1923 г. ФОН // Отчет о состоянии и действиях 1-го Московского государственного университета за 1922 г. М., 1923. С. 9–13.

⁶⁹ Именной список профессоров, преподавателей и научных сотрудников 1-го Московского государственного университета, состоявших на 1 января 1923 г. ФОН // Отчет о состоянии и действиях 1-го Московского государственного университета за 1923 г. М., 1924. С. 7–9.

⁷⁰ Именной список профессоров, преподавателей и научных сотрудников 1-го Московского государственного университета, состоявших на 1 января 1924 г. ФОН // Отчет о состоянии и действиях 1-го Московского государственного университета за 1924 г. М., 1925. С. 7–9.

⁷¹ Отчет о состоянии и действиях 1-го МГУ за 1922 г. С. 72.

Новая экономическая политика большевистской партии, интересы укрепления советской государственности, выдержавшей испытание гражданской войны, разрозненность советского законодательства — все это требовало осуществления широкомасштабной кодификации основных отраслей советского права. И в течение трех лет эта задача была выполнена. В 1922 г. в РСФСР были принятые Кодекс законов о труде, Уголовный, Уголовно-процессуальный, Гражданский и Земельный кодексы, в 1923 г. — Гражданско-процессуальный и Лесной кодексы, в 1924 г. — Исправительно-трудовой кодекс. Тем самым советская система юридического образования ставилась на прочный фундамент действующего законодательства.

Кодификация советского права в первой половине 1920-х гг. способствовала оживлению научной деятельности в области юриспруденции. В сущности, только в это время стал формироваться советский вариант юридической науки. Одним из признаков оживления научных исследований в области юриспруденции стало появление целого ряда новых юридических журналов. В 1921 г. прекратился выпуск журнала «Пролетарская революция и право», выходившего под эгидой Народного комиссариата юстиции РСФСР с августа 1918 г. Однако в 1922 г. появилось сразу несколько центральных теоретических и научно-практических юридических журналов, среди которых особенно выделялись высоким качеством содержания такие издания, как «Советское право», «Еженедельник советской юстиции», «Право и жизнь».

Немаловажную роль в становлении советской юридической печати играли профессора правового отделения ФОНа 1-го МГУ. Журнал «Право и жизнь», посвященный, как было указано на обложке, «вопросам права и экономического строительства», выпускался с 1922 г. под редакцией А. М. Винавера, М. Н. Гернета и А. Н. Трайнина. В статье, открывавшей первоначальный номер данного журнала, редакционная коллегия заявляла: «Посвящая настоящий журнал теоретической разработке права, основанной на лучшем юридическом наследии прошлого и на учете новых политico-правовых идей, купленных ценой революционного опыта, освещая и изучая вопросы текущего законодательства и судебной практики, оценивая и критикуя беспристрастно и объективно новые, еще только нарождающиеся формы нашего правового уклада, по мере возможности учитывая все крупные факторы, направляющие путь правотворчества данного момента, мы надеемся посильнно содействовать укреплению начал законности и тем самым мы исполним долг, лежащий на русской юридической мысли. Законность — эмблема, под которой зародился наш журнал; закон — знамя, под которое он призывает русских юри-

стов»⁷². В № 3 журнала за 1922 г. редакционная коллегия добавила к этому заявлению уточнение: «Стремясь, в целях наиболее успешного достижения задач, преследуемых журналом (см. № 1, стр. 3, статья “Наши задачи”), к всестороннему и полному освещению научных проблем, Редакция не стесняет сотрудников и членов своей коллегии в возможности высказывать на столбцах журнала «Право и жизнь» теоретические воззрения, которые не вполне совпадают с точкой зрения редакционной коллегии»⁷³. Это сообщение повторялось в последующих номерах журнала.

Среди авторов статей, публиковавшихся в этом журнале, был целый ряд ведущих советских правоведов, имевших бесспорные научные достижения еще в дореволюционное время: М. М. Агарков, М. М. Гродзинский, М. М. Исаев, Я. А. Канторович, С. А. Котляревский, П. И. Люблинский, И. Б. Новицкий, Н. Н. Полянский, А. С. Тагер, Н. М. Тоцкий и др. В 1922 и 1923 гг. на страницах данного журнала публиковались работы А. Ф. Кони. Прекращение выпуска журнала с 1928 г. произошло, скорее всего, по причинам идеологическим. Содержание журнала явно выходило за рамки официальной правовой идеологии.

Кодификация советского права и, как следствие, формирование советского варианта юридической науки создали условия для дальнейшего совершенствования советской системы юридического образования. Тем более, что ФОНы к середине 1920-х гг. явно исчерпали себя. Правовое отделение в рамках ФОНа 1-го МГУ уже в 1924 г. функционировало как полноценный юридический факультет, как по своей организации, структуре, так и по программе обучения юридическим наукам.

Неудивительно поэтому, что советское руководство пришло к выводу о необходимости ликвидации ФОНов в советских университетах. Декретом СНК РСФСР от 8 августа 1924 г. «Об изменениях сети высших учебных заведений»⁷⁴ отделение внешних сношений ФОНа 1-го МГУ было закрыто, остальные отделения, за исключением правового, были выведены из состава университета и объединены с соответствующими вузами. Совет Народных Комиссаров РСФСР постановил: «Из факультета общественных наук 1-го Московского Университета сохранить в составе названного университета правовое отделение»⁷⁵.

28 апреля 1925 г. СНК РСФСР издал Декрет «О преобразовании факультета общественных наук Первого Московского Государствен-

⁷² Наши задачи // Право и жизнь. 1922. Кн. 1. Июнь. С. 3–4.

⁷³ От редакции // Там же. Кн. 3. С. 2.

⁷⁴ Собр. узаконений и распоряжений РКП РСФСР, изд. НКЮ. 1924. № 68. 20 сент. Отдел 1. Ст. 680. С. 871–872.

⁷⁵ Там же. С. 872.

ногого Университета в факультет советского права и этнологический». В нем было предписано: «Преобразовать с 1925–1926 учебного года факультет общественных наук Первого Московского Государственного Университета в два факультета: советского права и этнологический»⁷⁶.

В истории юридического образования в Московском государственном университете начался новый этап.

Список литературы

1. Боголевов Д. П. В борьбе за высшую школу // Красное студенчество. 1928–1929. № 3–4. С. 31–33.
2. Покровский М. Н. По поводу закрытия юридических факультетов // Народноепросвещение. Еженед. Народного Комиссариата по Просвещению. 1918. № 23–25. 28 декабря. С. 2–3.

Статья поступила в редакцию 04.03.2025; одобрена после рецензирования 20.05.2025; принята к публикации 01.07.2025.

Original article

Vladimir A. Tomsinov*

LEGAL EDUCATION AT MOSCOW STATE UNIVERSITY IN THE EARLY YEARS OF THE EXISTENCE OF THE SOVIET STATE (1918–1925)

Abstract. The article is devoted to the most difficult period in the history of the Faculty of Law of Moscow State University, which occurred during the first seven years of the existence of the Soviet state. It describes and explains the fundamental reforms that university law education in Soviet Russia underwent during this time. The most important of these were the abolition of the Faculty of Law and the transfer of legal education to the framework of legal and political education (from March 4, 1921 — law) department of the Faculty of Social Sciences, and then (on April 28, 1925) the creation of the Faculty of Soviet Law of the 1st Moscow State University. Clarifying the nature of these reforms allows us to conclude that they were only partially dictated by the ideological doctrines of the Bolsheviks and the desire of the Soviet government to subordinate legal education to the goals and objectives of its policy. To a much greater extent, their implementation was influenced by objective circumstances, including the underdevelopment of Soviet law and the embryonic state of the Soviet version of jurisprudence. The article consists of four

⁷⁶ Там же. 1925. № 28. 29 мая. Отдел 1. Ст. 199. С. 358.

* Dr. Sci (Law), Professor; Head of the Department of History of State and Law, Faculty of Law, Lomonosov MSU (Moscow, Russia).

parts: 1. Introduction. 2. Teaching staff of the Faculty of Law of Moscow State University on January 1, 1918. 3. The reform of higher education institutions in the second half of 1918. The abolition of the Faculty of Law. 4. Law and Political (Legal) Department of the Faculty of Social Sciences of the 1st Moscow State University.

Keywords: Soviet Russia, Moscow University, law education, Faculty of Social Sciences, Soviet Jurisprudence, teaching law.

For citation: Tomsinov, V.A. (2025). Legal education at Moscow State University in the early years of the existence of the Soviet State (1918–1925). *Lomonosov Law Journal*, 2, pp. 4–34 (in Russ.).

Bibliography

1. Bogolepov, D.P. (1928–1929). In the struggle for higher education. *Red Student society*, 3–4. pp. 31–33 (in Russ).

2. Pokrovsky M. N. (1918). On the closure of law faculties. *National Education. Weekly of the People's Commissariat for Education*, 23–25, pp. 2–3 (in Russ).

The article was submitted 04.03.2025; approved 20.05.2025; accepted 01.07.2025.